

Содержание

СНЕГ СВЯТОГО ПЕТРА	5
НОЧИ ПОД КАМЕННЫМ МОСТОМ.201

СНЕГ СВЯТОГО ПЕТРА

Глава I

Когда ночь выпустила меня из своих объятий, я был каким-то безмянным нечто, безличным существом, утратившим способность отличать прошедшее от будущего. На протяжении нескольких часов — а может быть, то были всего лишь доли секунды — я был охвачен столбняком, перешедшим в состояние, которое я теперь уже не берусь описать. Если я попытаюсь охарактеризовать его как сопряженное с ощущением абсолютной никчемности осознания собственного «я», то такое определение окажется весьма несовершенным и не выражающим главного. Точнее всего было бы сказать, что я парил в пустоте. Но и эти слова ничего не значат. Я сознавал только, что существует «нечто», но не знал того, что этим «нечто» был я сам.

Я не могу определить, сколько времени длилось это состояние и когда именно появились первые воспоминания. Они проснулись во мне и тут же растаяли, я не смог их удержать. Одно из этих воспоминаний, несмотря на всю его расплывчатость, причинило мне боль, оно испугало меня, и я услышал, что глубоко вздыхаю, словно под тяжестью кошмара.

Первые воспоминания, задержавшиеся в моем сознании, носили совершенно отстраненный характер. В моей памяти воскресла кличка собаки, принадлежавшей мне когда-то в течение очень непродолжительного времени.

Затем я вспомнил, что одолжил кому-то один том полного собрания сочинений Шекспира, но так и не получил его обратно. В моем мозгу промелькнули название какой-то улицы и номер дома — ни то ни другое я и теперь еще не могу привести в связь с каким бы то ни было событием моей жизни; затем вдруг возник образ мотоциклиста, мчавшегося по безлюдной деревенской улице с двумя убитыми зайцами за спиной. Когда и где я мог это видеть? Я вспомнил, что поскользнулся и упал, уклоняясь от столкновения с мотоциклом, а поднявшись с земли, обнаружил, что держу в руках разбитые карманные часы с застывшей на цифре «восемь» стрелкой. Я вспомнил, что вышел из того дома без шляпы и пальто, держа в руках эти часы...

Когда я добрался в своих воспоминаниях до этого места, события минувших дней вдруг обрушились на меня с не поддающейся никакому описанию силой... Их начало, их ход и конец всплыли в моей памяти одновременно, они свалились на меня, как балки и кирпичи внезапно рушащегося дома. Передо мною предстали люди и вещи, среди которых я прожил длительное время, и все они были несоразмерно велики и призрачны. Они казались мне исполинскими и внушающими ужас, подобно существам и предметам какого-то иного мира. И во мне зашевелилось нечто такое, отчего моя грудь готова была разорваться. Мысль о счастье, тревога за него, безумное отчаяние, всепоглощающая страсть — этими жалкими словами не передать и десятой доли того, что я испытывал в тот момент. Это было нечто такое, что человек не в состоянии перенести даже на протяжении одной секунды...

Такова была первая встреча моего вновь проснувшегося сознания с тем невероятным переживанием, что выпало мне в прошлом.

Это оказалось мне не по силам. Я услышал, что кричу. Должно быть, я попытался сбросить с себя одеяло, пото-

му что вдруг ощутил колющую боль в предплечье и почти сразу же потерял сознание — вернее, нашел прибежище в бессознательном состоянии, оказавшемся для меня спасительным.

Когда я проснулся во второй раз, было совсем светло. Теперь сознание вернулось ко мне сразу и без малейшего перехода. Я увидел, что нахожусь в больничном помещении, в приветливой, хорошо обставленной комнате, предназначавшейся, очевидно, для платных или по какой-либо иной причине привилегированных пациентов. У окна сидела пожилая сестра милосердия. Она что-то вязала и в промежутках между работой пила кофе. На кровати, стоявшей у противоположной стены, лежал какой-то дурно выбритый мужчина с впалыми щеками и белой повязкой на голове. Он смотрел на меня большими печальными глазами, на его лице было написано выражение крайней озабоченности. Мне думается, что я, в силу какого-то загадочного процесса отражения, просто видел самого себя — бледного, исхудавшего, небритого и с повязанной головой. Но возможно также, что я видел какого-нибудь постороннего пациента, который в то время, пока я находился в бессознательном состоянии, лежал в одной комнате со мною. Но в этом случае его должны были удалить в считанные минуты и притом незаметно. Потому что, когда я вновь раскрыл глаза, его не было, да и кровать исчезла.

Теперь я мог все припомнить. События, приведшие меня сюда, встали предо мною совершенно ясно и отчетливо, но на этот раз они носили несколько видоизмененный характер. Они утратили свои угнетающе фантастические черты. Многое из пережитого мною и теперь казалось мне жутким, загадочным и необъяснимым, но больше не пугало меня. Да и действующие лица уже не представляли предо мною в облике исполинских, колеблющихся, наводящих страх призраков. Они, освещен-

ные ярким дневным светом, приобрели земные размеры и стали такими же людьми, как я сам и как все прочие населяющие этот мир существа. Существование их как-то незаметно, само собой, укладывалось в рамки моей прежней жизни. Дни, люди, вещи сливались с нею, становились неотделимой частью моего прежнего бытия.

Сестра милосердия заметила, что я проснулся, и поднялась с места. На ее лице было выражение самодовольного простодушия, и теперь, когда я получше всмотрелся в нее, мне внезапно бросилось в глаза ее сходство с той старухой, которая выскочила, подобно мегере, из толпы бушующих мужиков и стала угрожать ножом дряхлому священнику. «Убейте же этого попа!» — кричала она. И мне показалось удивительным, что эта самая старуха находилась теперь здесь, в моей комнате, и спокойно и приветливо ухаживала за мною. Но когда сестра приблизилась, замеченное сходство исчезло. Я ошибся. Когда она подошла вплотную к кровати, я увидел совершенно незнакомое лицо. Никогда прежде я не видел этой женщины.

Она заметила, что я собираюсь открыть рот, и предостерегающе подняла обе руки. Это должно было означать, что мне необходимо беречь себя, что мне вредно разговаривать. В это мгновение мною овладело ощущение, что когда-то я уже видел все это — эту кровать, больничную комнату, сиделку. Разумеется, это было не более чем заблуждение, но действительность, стоящая за ним, казалась тем не менее удивительной. Я припомнил теперь, что в той вестфальской деревне, где мне пришлось жить в качестве врача, я неоднократно видел нечто вроде галлюцинаций и в некоторые моменты, подобно ясновидящему, предвосхищал состояние, в котором находился сейчас. Я могу присягнуть в истинности этого заявления: в Вестфалии мною и впрямь неоднократно отмечались подобные явления.

— Как я попал сюда? — спросил я. Сестра милосердия пожала плечами. Быть может, ей было запрещено беседовать со мной на эту тему.

— Как давно я нахожусь здесь? — задал я второй вопрос.

Она, казалось, что-то соображала.

— Пошла уже пятая неделя, — ответила она по прошествии некоторого времени.

«Это невозможно, — подумал я. — На дворе снег. Следовательно, все еще стоит зима. Могло пройти всего лишь несколько дней с того момента, как меня доставили сюда. Четыре, ну, может быть, пять. В то воскресенье, в последний день моего пребывания в Морведе, шел снег, и он идет еще по сию пору. Почему же она лжет?»

Я пристально посмотрел ей в лицо.

— Это не совпадает с действительностью, — сказал я. — Вы мне говорите неправду.

Она смутилась.

— Возможно, прошло уже и шесть недель, — сказала она неуверенно. — Не могу сказать в точности. Я лично нахожусь в этой комнате пятую неделю. До меня здесь была другая сестра. Когда я пришла, вы уже лежали здесь.

— Какой сегодня день? — спросил я. Она сделала вид, что не поняла меня.

— Какой день по календарю? — повторил я. — Которое число?

— Второе марта 1932 года, — ответила она наконец.

Второе марта? На этот раз по ней было видно, что она говорила правду. Кроме того, эта дата совпадала с моими вычислениями. Я вступил в должность общинного врача деревни Морведе двадцать пятого января. В продолжение одного месяца, вплоть до того рокового воскресенья, я работал в этой маленькой вестфальской деревушке. Я находился здесь пять дней — это не вызывало сомнений. Почему же она лгала мне? И по чьему поручению она

делала это? В чьих интересах было заставить меня поверить, будто я провалялся без сознания целых пять недель? Однако не имело смысла и дальше наседавать на нее. Когда сиделка заметила, что я не задаю больше вопросов, она сообщила мне по собственной инициативе, что я уже несколько раз приходил в сознание. Однажды, когда она, переменяя мне повязку, уронила на пол миску с бинтами, я, не открывая глаз, спросил, кто здесь находится. Позднее я неоднократно жаловался на боли и просил пить, но всякий раз быстро засыпал. Так она утверждала. Я лично ничего этого не помнил.

— Больные лишь в самых редких случаях помнят об этом, — сказала сестра и, направившись к окну, снова взялась за свое рукоделие.

Я лежал с закрытыми глазами и думал о том, что все кончилось — кончилось навсегда. Она осталась в живых, это я знал. Она спаслась от последствий того ужасного последнего часа, избегла возмездия — это представлялось мне несомненным. Она была слишком сильна, чтобы погибнуть. Пуля, предназначавшаяся ей, попала в меня.

Такие, как она, не погибают. Как бы она ни поступила, как бы ни была велика ее вина, всегда найдутся люди, которые станут между нею и возмездием судьбы.

Но при этом я совершенно отчетливо сознавал, что все кончено и что она уже не вернется. Второй раз пути наши не скрестятся в этой жизни. Но что же из того? Одну ночь она мне все-таки принадлежала. И эта ночь осталась со мной, ее никто не мог у меня забрать. Она покоилась в недрах моей жизни, подобно темно-пурпурному альмандину¹, вросшему в кусок гранита. Эта ночь навсегда связала меня с нею. Я держал ее в объятиях, ощущал ее дыхание, биение ее сердца, пробегавшую по ее телу дрожь, я видел детскую улыбку, сопровождавшую ее про-

¹ Гранат, минерал кроваво-красного цвета.

буждение. Разве может такое пройти без следа? Нет. То, что женщина дарит в такую беспредельную ночь, она дарит навсегда. Быть может, она принадлежит в настоящий момент другому... Пускай так... Я в состоянии думать об этом без скорби. Прощай, Бибиш!

«Бибиш» — так она называла себя, когда разговаривала сама с собою. «Бедняжка Бибиш», — как часто слыхала я из ее уст эти жалобно-ласковые слова. «Вы сердитесь на меня, а я не знаю за что. Бедняжка Бибиш!» — написала она в записке, которую мне принес какой-то деревенский мальчик... Господи, как давно это было! А однажды, когда мы еще были едва знакомы друг с другом и она изо всех сил делала вид, будто совершенно не интересуется мною, капля кислоты обожгла ей руку. «Ой, как больно! Нельзя так плохо относиться к Бибиш!» — жаловалась она, с изумлением и грустью рассматривая свой маленький пальчик. А когда я посмеялся над этими словами, по мне скользнул ее холодный и презрительный взгляд.

Все это было и прошло. Никогда больше она не посмотрит на меня таким взглядом. Это прошло навсегда с той ночи...

Я услышал чьи-то шаги и открыл глаза. У моей кровати стоял старший врач с обоими своими ассистентами, а позади них какой-то человек могучего телосложения в белом балахоне с синими полосами вкатывал через дверь столик с перевязочными материалами.

Едва взглянув, я тотчас же узнал его. То обстоятельство, что он изменил наряд, не могло сбить меня с толку. Это мощное тело, этот мягкий, несколько скошенный назад подбородок, эти глубоко сидящие светло-голубые глаза... Человек в полосатом балахоне, несомненно, был князем Праксатиным — последним из рода Рюриков. Шрам на его верхней губе был закрыт пышными усами. Его светлые волосы не были, как раньше, зачесаны назад, а свисали прямо ему на лоб. Да и руки его на этот

раз были не холеными, а загорелыми... Может быть, я все-таки ошибся, и то был не он?

И все-таки то был он — тут у меня не могло быть ни малейшего сомнения. Уже то обстоятельство, что он старался избегать моего взгляда, свидетельствовало в пользу этого предположения. Он нашел себе убежище, сменив имя и разыгрывая роль санитаря. Было ясно, что он не хотел быть узнанным. Ну, меня-то ему незачем было опасаться: по мне, так пускай он влачит и дальше свое жалкое существование, раз совесть ему позволяет. Я не имел ни малейшего намерения выдавать его.

— Проснулись? С добрым утром! — услышал я голос старшего врача. — Как вы себя чувствуете? Лучше? Чувствуете какую-нибудь боль?

Я не отвечал. Я все еще продолжал всматриваться в Праксатина. Он отвернулся — мой взгляд явно смущал его. Лишь теперь я заметил то, что раньше ускользнуло от моего взора: пламенно-красный шрам, начинавшийся за его правым ухом и протянувшийся почти вплоть до подбородка, — воспоминание о той ночи, в которую он предал своего друга и благодетеля.

— Знаете ли вы, где находитесь? — спросил старший врач.

Я посмотрел ему в лицо. То был человек лет пятидесяти, с седоватой бородкой клинышком и бойкими глазами. Он, очевидно, хотел выяснить, насколько помутнено мое сознание.

— Я нахожусь в больнице, — ответил я.

— Совершенно верно, — подтвердил он. — В городской больнице Оснабрюка.

Один из ассистентов склонился надо мною.

— Узнаешь меня, Амберг? — спросил он.

— Нет, — ответил я. — Кто вы?

— Голубчик, ты же должен знать меня, — настаивал он. — Подумай немножко! Мы с тобою целый семестр ра-

ботали в Берлине, в бактериологическом институте. Неужели я так изменился?

— Доктор Фрибе? — неуверенно спросил я.

— То-то же! Наконец-то узнал, — констатировал он удовлетворенно и начал снимать повязку с моей руки и плеча.

Доктор Фрибе был моим коллегой по бактериологическому институту и тоже знал ее. Мне мучительно хотелось услышать из его уст заветное имя, но какой-то инстинкт подсказывал мне, что не следует пока спрашивать о ней.

Я указал на пулевое ранение в верхней части моей руки.

— Навылет или застряла? — осведомился я.

— Что-что? — рассеянно переспросил он.

— Я спрашиваю, пришлось ли извлекать пулю? Он посмотрел на меня с невыразимым удивлением.

— О какой пуле ты говоришь? У тебя обыкновенные садины и разрывы тканей, вызванные сильным ушибом. На плече то же самое.

— Что за чепуха! — воскликнул я сердито. — Рана в предплечье является последствием револьверного выстрела, а плечо пострадало от ножа. Ведь это должно быть видно даже полнейшему профану. И кроме того...

Тут в наш разговор вмешался старший врач.

— Послушайте-ка, что это вам взбрело на ум? Наши полицейские не имеют обыкновения бросаться с ножами и револьверами на прохожих, не подчиняющихся их распоряжениям.

— Что вы имеете в виду? — прервал я его.

— Постарайтесь припомнить! — продолжал он. — Ровно пять недель тому назад, в два часа дня, вы стояли на привокзальной площади Оснабрюка, в самом центре оживленного движения, и словно загипнотизированный усталились глазами в какую-то точку. Руководивший

движением полицейский свистел вам, шоферы орали во всю глотку, но вы ничего не слышали и не двигались с места.

— Это верно, — сказал я. — Я увидел зеленый автомобиль марки «кадиллак».

— Ах ты господи! — заметил старший врач. — У нас здесь и вправду имеется один такой. Но для вас, человека, только что прибывшего из Берлина, «кадиллак» не должен представлять столь необычайной сенсации. Вам уже, наверное, не раз приходилось видеть автомобиль этой марки.

— Да, но этот «кадиллак»...

— И что же произошло дальше? — прервал меня врач.

— Я пересек площадь, вышел к вокзалу, купил билет и сел в поезд.

— Нет, — сказал старший врач. — Вы не добрались до вокзала. Вы налетели прямо на автомобиль, и он вас опрокинул. Пролом черепа, кровоизлияние в мозг — в таком виде вас и доставили сюда. Вы еще сравнительно счастливо отделались, возможен был другой исход. Ну, теперь вы, во всяком случае, вне опасности.

Я попытался прочесть правду на его лице. Не мог же он, в конце концов, говорить всерьез? Ведь то, что он рассказывал, было сплошным безумием. Я сел в поезд, прочел две газеты, просмотрел один журнал и вскоре задремал. Когда поезд остановился в Мюнстере, я проснулся и купил себе на перроне папирос. В пять часов вечера, когда уже начинало темнеть, мы прибыли в Реду, а уж от туда я поехал дальше на санях.

— Простите, пожалуйста, — сказал я самым невинным тоном. — Но рана на голове возникла от удара тупым оружием, а именно молотильным цепом.

— Что такое? — воскликнул он. — Где вы тут у нас вообще найдете молотильный цеп? В деревнях давным-давно пользуются молотилками.

Что я мог на это возразить? Откуда ему знать, что в имени барона фон Малхина не имелось машин и там сеяли, жали и молотили, как сто лет тому назад?

— Там, где я находился пять дней тому назад, — сказал я наконец, — до сих пор пользуются молотильными цепями.

— Там, где вы находились пять дней тому назад? — переспросил он, растягивая слова. — Вы не шутите? Что ж, в таком случае оно, вероятно, так и было. Значит, удар молотильным цепом? Ладно, не задумывайтесь больше на эту тему. О таких неприятных переживаниях, как молотильные цепи, лучше всего забыть. Попробуйте-ка, так сказать, «выключить» ваши мысли. Вам необходим полный покой. Впоследствии вы мне как-нибудь обо всем этом расскажете.

Старший врач повернулся к сестре милосердия.

— Бисквиты, чай с молоком, протертые овощи, — распорядился он и вышел из комнаты. Оба его ассистента последовали за ним. Последним покинул комнату князь Праксатин, толкая перед собою столик с перевязочными материалами и искоса поглядывая на меня.

Что произошло? Что все это значит? Может быть, старший врач хотел разыграть со мной какую-то комедию? Или он и впрямь верил в несчастный случай с автомобилем? Но ведь дело происходило совершенно иначе... Уж я-то об этом знаю... Все было совсем не так.

Глава II

«**М**еня зовут Георг Фридрих Амберг, я врач...»
Таковыми словами начнется мой отчет о морведских событиях, который я изложу в письменной форме, как только буду в состоянии сделать это. Однако до той поры пройдет, вероятно, еще немало времени. Я не могу раздобыть ни пера, ни бумаги — мне предписан абсолютный покой, я должен выключить свои мысли, да и поврежденная рука все еще отказывается мне служить. Не остается ничего другого, как только запечатлеть в своей памяти все самые мельчайшие подробности того, что со мною произошло. Никакая, даже самая незначительная на вид мелочь не должна затеряться в череде дней. Вот и все, на что я способен в настоящий момент.

Мне придется начать свой рассказ издалека.

Моя мать умерла через несколько месяцев после моего рождения. Отец был выдающимся историком, его специальностью была средневековая Германия. Последние годы своей жизни он читал в одном из университетов Южной Германии лекции о споре по поводу инвеституры¹, о во-

¹ В феодальном праве торжественный ввод духовных лиц во владение недвижимостью, обычно — леном; светская инвеститура заключалась в передаче епископам знаков их власти (кольца и посоха); спор о светской инвеституре был вызван тем, что папа Григорий VII запретил ее в 1075 г.; однако в 1122 г. папа

енном строе Германии в конце тринадцатого века и об административных реформах Фридриха II¹. Когда он умер, мне было всего четырнадцать лет. Он не оставил мне никакого наследства, кроме довольно внушительной, хотя и несколько односторонней по своему составу библиотеки — помимо произведений классиков, она почти сплошь состояла из книг по историческим вопросам. Часть этих книг хранится у меня и по сию пору.

Меня взяла на воспитание одна из сестер матери. Строгая, педантичная и крайне несловоохотливая женщина, редко выходившая из себя. У нас с нею было мало общего. Тем не менее я буду благодарен ей всю свою жизнь. Мне, правда, очень редко приходилось слышать от нее ласковое слово, но она сумела так распределить свои скромные средства, что я смог продолжать образование. Будучи мальчиком, я проявлял живейший интерес к той области знания, которая являлась специальностью моего отца, и во всей его библиотеке, пожалуй, не было книги, которой я не перечитал бы несколько раз. Но когда незадолго до экзамена на аттестат зрелости я впервые заговорил о своем намерении посвятить себя изучению истории и последующей академической карьере, моя тетка стала возражать против этого самым решительным образом. Исторические исследования казались ее трезвому уму чем-то неопределенным и излишним, чем-то отстраненным от мира и практической жизни. Мне надлежало избрать себе какую-нибудь практическую профессию — стать, по ее выражению, на твердую почву, сделавшись юристом или врачом.

Каликст II и император Генрих V договорились, что епископы впредь будут получать от папы посох и кольцо, а от императора скипетр на владение имперским леном.

¹ Фридрих II Гогенштауфен (1194–1250) — германский король и император Священной Римской империи с 1212 г., король Сицилии с 1197 г.